BF
455
G14

SLOVO I PONIATIE

GALKINA-FEDORUK

Е. М. Галкина-Федорук

СЛОВО И ПОНЯТИЕ

Учпедгиз
1956

Е. М. ГАЛКИНА-ФЕДОРУК

GALKINA - FEDORUK

BF
455
G14

СЛОВО И ПОНЯТИЕ

SLOVO I PONIATIE

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва — 1956

Настоящая брошюра принадлежит к числу работ, публикуемых в библиотеке «Вопросы советского языкознания».

СЛОВО И ПОНЯТИЕ В СВЕТЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ

1.

Теоретические проблемы языкознания не могут не быть связаны с решением некоторых гносеологических вопросов, как-то: вопрос о соотношении языка и мышления, слова и понятия, суждения и предложения, формы и содержания и др.

Пренебрежительное отношение марровской школы к вопросам грамматики, к учению о слове привело всех последователей так называемого «нового учения» о языке к полному игнорированию этих вопросов. Признавая на словах единство языка и мышления, Н. Я. Марр фактически отрывал язык от мышления, допуская, что «общение людей можно осуществить и без языка, при помощи самого мышления, свободного от «природной материи» языка, свободного от «норм природы»[1].

Вследствие этого многие серьезные проблемы оставались в тени и не ставились на обсуждение. Отрицая значение грамматики, последователи Н. Я. Марра естественно не ставили и вопроса об отношении грамматики к логике.

Правильное понимание соотношения категорий языка и мышления настоятельно требует установления не только их единства, но и специфики путей развития как той, так и другой области. Вопрос этот должен быть рассмотрен с точки зрения обще-материалистической теории познания.

«Ни мысль, ни язык,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— не образуют сами по себе особого царства, они суть проявление действительной жизни». «Идеи не существуют оторванно от языка»[2]. И. В. Сталин говорил: «Будучи не-

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 38.

[2] Архив Маркса и Энгельса, т. IV, Партиздат ЦК ВКП(б), 1935, стр. 99.

посредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе»[1].

Значение языка состоит не только в том, что он является средством общения. Оно состоит также и в том, что язык является орудием логического процесса мышления, орудием развития мышления в процессе трудовой деятельности людей. «Язык — орудие развития и борьбы»[2]. «Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить своё мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время»[3].

Материализуя мысли в слове, язык хранит в себе весь исторический опыт человечества, передавая этот опыт от поколения к поколению. Если бы мысль не реализовалась в языке, то люди утратили бы возможность сохранять опыт прошлых веков, не имели бы возможности передавать его следующим поколениям через язык.

Следовательно, язык — это действенная общественная сила в историческом прогрессе человечества. Язык регистрирует, закрепляет работу мышления. Мысли человека могут возникнуть и существовать только на основе языкового материала. Язык является, следовательно, также и средством образования мысли, ее возникновения и осуществления. Единство языка и мышления не подлежит сомнению, и оно существует с самого начала возникновения как языка, так и мышления в процессе трудовой деятельности человека.

«Как и всякое животное, они (т. е. люди) начинают с того, чтобы *есть, пить* и т. д., т. е. не «стоять» в каком-нибудь отношении, а *активно действовать,* овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности (они, стало быть, начинают с производства). Благодаря повторению этого процесса способность этих предметов «удовле-

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.
[2] И. В. Сталин, Сочинения, т. 1, стр. 44.
[3] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 46.

творять потребности» людей запечатлевается в их мозгу, люди и звери научаются и «теоретически» отличать внешние предметы, служащие удовлетворению их потребностей, от всех других предметов. На известном уровне дальнейшего развития... люди дают отдельные названия целым классам этих предметов, которые они уже отличают на опыте от остального внешнего мира»[1].

Так характеризует К. Маркс процесс возникновения языка и мышления генетически и функционально.

То, что сказано классиками марксизма о языке как целостной системе, можно применить и к слову, как отдельной части этой целостной и стройной системы.

Если язык — реально практическое сознание, то слово является выделяемой структурной частью этого реального практического сознания. Если язык есть средство общения, то слово — структурно необходимая составная часть этой целостной системы общения, так как из слов образуются предложения для сообщения другим людям организованной целостной мысли.

Слова — это единицы языка, составляющие его словарный состав. Положение слова в общей системе языка должно быть уяснено с различных точек зрения. Ведь язык — посредник между людьми при всех и всяких отношениях, касающихся экономической и политической жизни общества, научно-технической, художественно-эстетической, производственно-трудовой деятельности, общественно-бытовых вопросов и т. д.

В языке отражается история целого народа с момента его образования, вся его жизнь, чаяния и надежды, его страдания и горе, его радости и достижения. Но несмотря на такое значение языка в жизни человека, проблема слова, как основной единицы языка, все еще недостаточно разработана в языкознании.

До сих пор нет даже удовлетворительного определения слова. Отказаться совсем от определения слова, как это когда-то делали некоторые лингвисты, на том основании, что «удовлетворительного определения слова нет», конечно, нельзя. Но если и нет пока удовлетворительного определения слова, то должна разрабатываться проблема слова, его сущности, его объема и содержания. Тогда, быть может, легче будет дать и удовлетворитель-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 461.

ное определение слова, хотя возможно, что исчерпывающее определение слова действительно дать очень трудно. Ограниченная роль определений в науке всегда подчеркивалась классиками марксизма. «Определения не имеют значения для науки, потому что они всегда оказываются неудовлетворительными. Единственным реальным определением оказывается развитие самой сути дела, и оно уже не есть определение. Для того, чтобы выяснить, что такое жизнь, мы должны исследовать все формы жизни и представить их в их взаимной связи. Но для *практического применения* краткое указание наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков в так называемом определении часто бывает полезно и даже необходимо, и оно не может вредить, если только от него не требуют, чтобы оно давало больше, чем оно может выражать»[1].

На трудность решения проблемы слова указывали и указывают все виднейшие русские и зарубежные языковеды. «Проблема слова в языкознании еще не может считаться всесторонне освещенной»,— писал В. В. Виноградов и в статье «О формах слова»[2], и в своей книге «Русский язык»[3]. В. В. Виноградов считает слово «вместилищем «предметных» значений, из которых слагается система социально-языковой семантики»[4]. А. И. Смирницкий в работе «К вопросу о слове» видит в слове единицу словарного состава, отдельный кусок «строительного материала языка»[5].

Настоящая брошюра не претендует на сколько-нибудь полное разрешение столь сложной проблемы. Мы ограничиваем себя задачей постановки ее вновь на обсуждение после работ И. В. Сталина по языкознанию, наметивших пути дальнейшего развития марксистско-ленинского языкознания. Мы ставим своей задачей: 1) понять природу слова, 2) выявить его значение и 3) установить соотношение слова, понятия и значения, 4) разграничить слово со словосочетанием и предложением.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 362.

[2] См. Известия Академии наук СССР, т. III, вып. 1, 1944, стр. 31.

[3] Издание Учпедгиза, 1947, см. Введение.

[4] В. В. Виноградов, Современный русский язык, вып. 1, Учпедгиз, 1938, стр. 113.

[5] А. И. Смирницкий. К вопросу о слове. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», 1952, стр. 182.

2.

Еще в древней Греции и Риме велись большие споры об определении сущности слова, его места в предложении и в языке, его отношения как единицы языка к единице мышления.

Так, например, еще задолго до нашей эры в работах греческих философов мы встречаем различные толкования слова. Древние философы и грамматики пытались установить соотнесенность слова, мысли, действительности. Значение античной философии, по мнению Ф. Энгельса, чрезвычайно велико, так как в многообразных ее формах имеются в зародыше, в возникновении почти все позднейшие типы мировоззрения[1].

Древние философы и грамматики не разграничивали достаточно ясно вещи, категории сознания и категории языка. Они полагали, что имя непосредственно принадлежит вещи. Одним из главных вопросов античного языкознания был вопрос о том, как относится имя к вещи, правильно ли наименована вещь или неправильно, так как считалось, что различие в именах должно быть обусловлено различием вещей. Если имя соответствует вещи, то оно правильно.

Многие античные философы отождествляли предмет и мысль о нем. Так, Парменид писал:

Одно и то же есть мысль и то, о чем она мыслит:
Без сущего мысль не найти — она изрекается в сущем.
Иного не будет и нет: ему же положено роком —
Быть неподвижным и целым. Все прочее только названья.
Смертные их сочинили, истиной их почитая.
«Быть» и вместе «не быть», «рождаться» и вместе «кончаться»,
Цвет, окраску менять и двигаться с места на место[2].

В средние века вопросы, касающиеся языка и мышления, объяснялись или с точки зрения упрощенного понимания античных философов, или же с теологической точки зрения. Однако спор, разгоревшийся между реалистами и номиналистами, несколько оживил эту область знания.

Реалисты полагали, что существуют вещи, но понятия о них существовали еще до вещей, т. е. вещи явились во-

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. I, стр. 497 и т. XIV, стр. 378.

[2] Парменид, Фрагмент 8, «Античные теории языка и стиля», Соцэкгиз, 1936, стр. 31.

площением этих общих идей — универсалий, которым приписывалась собственная реальность (universalia sunt realia).

Номиналисты же утверждали, что реально существуют только отдельные вещи и понятия о них, которые выражаются в именах, а общих понятий, стоящих над отдельными конкретными вещами, нет. Это — лишь пустые имена, не содержащие никакой реальности за собой (universalia sunt nomina). Концептуалисты, занявшие (позже) промежуточное положение между реалистами и номиналистами, полагали, что в мире существуют как отдельные конкретные вещи и понятия о них, так и общие понятия людей, стоящие над отдельными конкретными вещами.

Рационалистическая философия XVII—XVIII веков совсем не ставила на решение проблемы слова; так называемая «рациональная» грамматика той же эпохи не различала слова и понятия. После долгого промежутка времени вновь заговорили о природе слова в тот период, когда языкознание встало на научно-эмпирический путь изучения языка, когда начало определяться содержание языкознания как исторической науки и вырабатывался сравнительно-исторический метод. Однако никакого удовлетворительного решения этой проблемы в первой половине XIX века не было найдено.

Во второй половине XIX века возникло идеалистическое неокантианское направление, которое отразилось и на теоретических положениях языкознания наряду с различными идеалистическими течениями в психологии (Гербарт, Вундт, школа Брентано).

Под влиянием субъективного идеализма в философии и гербартианства в психологии многие языковеды стали объяснять природу языка целиком и полностью как проявление индивидуальной психики людей, которая и явилась, по их мнению, единственным источником языка. И самый процесс создания языка, и все развитие языка, его законы — все рассматривалось с точки зрения индивидуальной психологии, как творчество отдельного индивидуума, как неповторимый речевой акт личности. Язык как общественное явление полностью игнорировался или же (у Штейнталя и Лацаруса) понимался как проявление «народной души». Ничего положительного не дала и психологическая школа В. Вундта, пришедшая на смену гербартианству.

Новое идеалистическое течение на Западе, характерное для эпохи империализма, зародилось в виде воинствующего «антипсихологического» течения (гуссерлианство), но окончательное развитие получило в Америке, где создалась наиболее модная, так называемая «школа семантиков», к которой относятся Витгенштейн, Карнап, Уайтхед и др.

В основе «учения» этих авторов о слове лежит отрицание возможности научного познания, т. е. давно опровергнутые В. И. Лениным идеи Беркли, Маха, Авенариуса. Отрицая объективную реальность действительности, понимая мир, как ощущение и представление самого познающего индивидуума, эти философы-идеалисты отождествляют слова и предметы, а недостатки общественной жизни объясняют недостатками, несовершенством языка, тем самым затушевывая социальное неравенство и пороки капиталистического строя.

Проповедовавшееся прежде мнение о несамостоятельности русской науки вообще, и в частности языкознания давно уже разоблачено как несостоятельное. Глубоко продуманное учение о слове развивалось в России со времени деятельности великого русского ученого М. В. Ломоносова. Самостоятельность русских ученых в решении важнейших вопросов языкознания может считаться неопровержимо доказанной. Русские ученые с глубокой любовью изучали язык, выясняя его сущность, свойства и законы его развития. И. И. Срезневский в книге «Мысли об истории русского языка», понимая язык как общенародное явление, как явление общественное, в отдельном слове видел действенную часть языка как средства общения.

«Язык есть собственность нераздельная целого народа Переходя от человека к человеку, от поколения к поколению, из века в век, он хранится народом как его драгоценное сокровище, которое по прихотям частных желаний не может сделаться ни богаче, ни беднее — ни умножиться, ни растратиться»[1].

«Каждое слово есть представитель понятия, бывшего в народе: что было выражено словом, то было и в жизни; чего не было в жизни, для того не было и слова. Каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жиз-

---

[1] И. И. Срезневский, Мысли об истории русского языка, 1887, стр. 2.

ни народа, тем более важный, чем важнее понятие, им выражаемое. Дополняя одно другим, они все вместе представляют систему понятий народа, передают быль о жизни народа — тем полнее, чем обширнее и разнообразнее их собрание...»[1].

При всех ошибках идеалистического порядка, свойственных В. И. Далю, Ф. И. Буслаеву, И. И. Срезневскому, А. А. Потебне, А. А. Шахматову, их высказывания о природе слова, при сравнении с высказываниями их современников на Западе (Штейнталь, Пауль, Марти и др.), выигрывают в силу того, что русские ученые всегда стремились связать развитие языка с жизнью народа и в слове стремились увидеть отражение этой жизни, хотя и не могли правильно объяснить отношение слова к действительности, с одной стороны, и к мысли — с другой.

3.

За последние десятилетия наиболее принятым было мнение, что слово — это «единство звукозначения». «Всякий звук речи, имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющихся словами, есть слово», — так определял слово Ф. Ф. Фортунатов[2].

Однако такое определение должно быть признано тавтологическим, так как оно не раскрывает природы слова. Слово — гораздо более сложное явление, чем это думал Ф. Ф. Фортунатов. Определить слово даже только с внешней стороны — дело довольно трудное.

Марксистское языкознание должно видеть в слове как единице языка звуковую или «природную материю», являющуюся названием какого-либо факта действительности и служащую целям общения. Но слово как единица словарного состава языка проявляет полноту своей природы только в связной человеческой речи, только сочетаясь в предложения по грамматическим законам языка.

В слове необходимо выделить фонетическую, лексическую, грамматическую, категориально-логическую, эмоциональную и экспрессивную стороны.

Так как в языке наличествует материальное и идеальное, и так как «оголенных мыслей, свободных от языково-

---

[1] И. И. Срезневский, Мысли об истории русского языка, 1887, стр. 103.

[2] Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языкознание, 1899—1900, литографированный курс, стр. 186.

го материала, свободных от языковой «природной материи» — не существует»[1], следовательно и в слове как единице языка должно наличествовать чувственно-материальное и идеальное.

Слово едино, но двусторонне. Чувственно-материальное в слове развивается по своим внутренним законам, присущим слову как специфически-особому явлению. Наличествующее в слове идеальное, в силу своей иной природы, также имеет свои специфические внутренние законы развития.

К чувственной, «природной материи» слова относится его фонетическая природа, т. е. звуковой состав[2]. Но этим природа слова не исчерпывается, так как посредством слов люди обмениваются мыслями, добиваются взаимного понимания, и поэтому в каждом слове как единице языка должен быть заключен какой-то определенный смысл. Следовательно, каждое слово имеет значение. Значение слова заключается в его лексической, материальной стороне.

Слово как единица речи выступает в своей соотнесенности с тем предметом, явлением, процессом, качеством, названием которому оно служит. Если скажут *дерево*, то этот звуковой комплекс нельзя отнести к какому-либо другому предмету: «камню», «воде». Если попросят *дайте воды*, то эти звуковые комплексы поймут так, что действительно подадут «воду» (т. е. жидкость без вкуса и запаха), но не подадут «камень», «кусок хлеба», «ветку дерева», так как этот звуковой комплекс нельзя отнести к этим предметам. Отнесение звукового комплекса *вода* к определенной жидкости закреплено общенародным пониманием. Это взаимосвязь комплекса звуков и явления действительности, закрепленная в едином общенародном понимании этой связи, и есть лексическое значение слова. Значение слова часто называют еще «семантикой» слова или «логикопредметным» значением слова. Но лучше назвать его или лексическим значением слова, или «смысловой стороной»[3] его, как его называл И. В. Сталин.

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 39.

[2] Количество, состав звуков, их артикуляция подчиняются своим законам каждого отдельного языка

[3] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 37—38, 39—40.

Проблема объяснения лексического значения слова вызывает, однако, ряд трудностей. Понимая под словом как единицей словарного состава языка звуковой комплекс, заключающий определенное содержание, т. е. смысл и систему значений, мы не всегда можем на основании этого понимания выделить слово из общего потока речи. Акад. В. В. Виноградов и другие языковеды отмечали, что фонетические границы слова в некоторых языках не так резко очерчены, как границы между морфемами (т. е. значимыми частями слов — корневыми или грамматическими элементами речи). С другой стороны, фонетическая грань между словом и фразой во многих случаях является также неустойчивой, подвижной [1].

Русскими лингвистами обычно указывалось, что основными внешними признаками слова (например, в русском языке) являются наличие ударения и возможность паузы. На основе таких внешних признаков А. М. Пешковский и разделял все слова русского языка на три группы:

1) Слова, имеющие ударение и допускающие паузу после себя, слова полные: *стена, книга, дело* и т. п. Такие слова выделяют морфологические части.

2) Слова с ударением, допускающие паузу после себя, но не распадающиеся на морфологические части: *какаду, там, здесь* и т. п.

3) Слова, не имеющие ударения, не отделяющиеся паузами и не выделяющие составных частей: например, предлоги *над, под, в* и союзы *а, и, или* и т. п.

В. В. Виноградов правильно указывал на шаткость, неустойчивость этих признаков для выделения слова из общего потока речи. В русском языке в составных словах может быть два ударения, правда, неодинаковой силы. Случается, что предлог перетягивает на себя ударение, а полное слово остается без ударения. Например: *на́ поле, на́ ночь, на́ сторону*. Следовательно, наличие или отсутствие ударения не является достаточным средством разграничения и выделения слов. Возможность ставить паузу после слова также не является различительным признаком для выделения слова. Мы в быстрой речи сливаем слова в единый поток (*по́лнъвам!*), а при логическом или эмоциональном выделении мы можем и слово разделить на отрезки в произношении, например *ни-ког-да!*

---

[1] См. В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз, 1947, стр. 9.

В каждом языке есть особые условия разграничения слов в речевом потоке. Например, во французской фразе je ne l'ai pas vu (я его не видел) школьная грамматика насчитывает шесть слов, в то время как Вандриес здесь видит одно слово [1].

Очень часты случаи неверного членения слова, когда неизвестно значение его. Вместо «шуми, шуми волнами, Рона», людьми, не знавшими реки Роны, слова членились так: «Шуми, шуми волна Мирона», или вместо: «На нем флюгера не шумят» — «На нем флюгеране шумят»[2].

В статье «Понятие отдельного слова» А. М. Пешковский более подробно излагает всевозможные принципы различения слова: 1) отличая слова от части слова, 2) отличая их от целого словосочетания, 3) отделяя сходные слова друг от друга.

Исходя из этих положений, А. М. Пешковский в своей работе «Понятие отдельного слова» и пытался установить отличительные признаки отдельного слова:

1) слова употребляются отдельно, а части слов отдельно употребляться не могут;

2) слова имеют собственное ударение, а части слов не имеют;

3) в конце слова можно сделать паузу, а в середине слова нельзя;

4) отношение между словами в предложении складываются не так, как между частями слова внутри его;

5) в слове только одна часть (корень) имеет так называемое «материальное, вещественное» значение, остальные же всегда более или менее формальны;

6) слова соответствуют отдельным представлениям как отдельным частям мысли, а корни и аффиксы таким представлениям не соответствуют [3].

Однако сам А. М. Пешковский указывает, что каждый из этих пунктов может быть опровергнут. Так, предлоги и союзы хотя и считаются отдельными словами, как правило, не употребляются отдельно. А. М. Пешковский считает, что такие разговоры, как например: «Вы с сахаром или без» — «без» или «Вы за или против» — «за» невозможны в естественной, не искаженной графическими пред-

---

[1] См. Ж. Вандриес, Язык, Соцэкгиз, 1937, стр. 89.

[2] См. книгу Р. О. Шор, Язык и общество, 1926.

[3] А. М. Пешковский, Понятие отдельного слова, Сборник статей, 1925, стр. 123—129.

ставлениями речи, а «выделение таких слов *с, в, и* в отдельный ответ даже в архиинтеллигентском языке, кажется, невозможно»[1].

Анализируя различие слова и морфемы, слова и словосочетания, А. М. Пешковский сам приходит к выводу, что «сущность разницы между словом и частью слова остается попрежнему не открытой». Кроме того, выше уже указывалось на возможность пауз в произношении между отдельными частями слова (пункт 3-й Пешковского). К нему надо добавить, что и пункт 5-й не может быть выдержан полностью, так как и в предложении реальное значение имеют не все слова, и все служебные слова пришлось бы не считать отдельными полными словами. В конечном итоге А. М. Пешковский приходит к мысли, что единого определения слова дать невозможно, так как природа слова в словаре и природа слова в контексте различны. На основе этого А. М. Пешковский различает «слово-тип» и «слово-член». «*Под членом,* — писал он, — мы будем, вслед за де-Соссюром, разуметь *всякую языковую единицу*, выделяемую сознанием в процессе речи, путем противопоставления ее тому, что следует за ней, или тому, что предшествует ей, или и тому и другому»[2].

Однако проблему слова А. М. Пешковскому решить не удалось прежде всего потому, что все его внимание было обращено только на внешнюю природу отдельного слова. Он не понял, что отдельное слово вне контекста наиболее абстрактно, так как конкретизация слова начинается со словосочетания, а завершается в предложении.

Слово от части слова следует отграничивать, в первую очередь, по содержанию и по всем вместе взятым отличительным внешним признакам, хотя не всегда указанные признаки в полной мере действенны. Слово следует отличать и от словосочетания. Но выбор критерия разграничения представляет здесь особые трудности. Словосочетание может лишь внешне состоять из двух и больше слов, но и сложное слово включает также не одну единицу. С внутренней стороны словосочетание, как и слово, может выражать нередко одно и то же понятие, например: *принимал участие* и *участвовал, выразил благодарность* и *поблаго-*

---

[1] А. М. Пешковский. Понятие отдельного слова. Сборник статей, 1925, стр. 123.

[2] Там же, стр. 134.

дарил, дал свободу и *освободил, оказал содействие* и *содействовал.*

Слово отграничивается от словосочетания прежде всего отсутствием грамматических связей, выражающих отношения[1]: *дом, отец* — это слова, *дом отца* — словосочетание. В отграничении словосочетания от других единиц языка, например от слова, необходимо учитывать более определенную внутреннюю цельность слова по смыслу, а не только «цельнооформленность», как пишет А. И. Смирницкий в статье «К вопросу о слове». Словосочетания — строительный материал языка особого характера, т. к. в словах, соединенных в словосочетания, проявилась уже грамматическая связь, и словосочетание выделилось из предложения[2]. Чтобы словосочетание превратилось в предложение, необходима особая интонация. Если мы будем в нашем сообщении отрицать или утверждать принадлежность дома отцу — возникает предложение *«Дом отца».* Пауза между словами, утвердительная интонация устанавливают другие связи-отношения между словами, вследствие чего получается двусоставное предложение, которым выражается, сообщается и формируется мысль. И. В. Сталин сказал об этом исчерпывающе точно: «Однако словарный состав, взятый сам по себе, не составляет еще языка, — он скорее всего является строительным материалом для языка»[3]. Следовательно, именно благодаря грамматике язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку.

Лексическое, вещественное значение слова возникает в процессе познания. Если мы не понимаем лексического значения в слове, то оно и не является настоящим словом. Поставив в ряд несколько звуков, мы еще не получим слова. Например, [крипика], [сачала] — это не слова, а бессмысленный набор звуков. Комплекс lana как будто набор звуков. Но когда мы узнаем, что этими звуками в латинском языке называется «шерсть», тогда слово как будто освещается внутренним светом, оно получает смысл,

---

[1] Поэтому-то *железная дорога* нельзя считать сложным словом, так как здесь наличествует связь слов — согласование.

[2] См. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», АН СССР, 1952, стр. 197. Нельзя ведь думать, что человек сначала изготовил сочетания слов, а потом из них, как из готового материала, стал строить предложения.

[3] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

так как эти звуки ведут нашу мысль к предмету, который мы знаем, о котором имеем понятие, который и назван этим звуковым сочетанием «lапа».

Следовательно, для того чтобы понимать слово, нам нужно комплекс звуков поставить в связь с представлением о том предмете, явлении, процессе, качестве, которые называются и которые мы знаем из практики жизни. Связь слова и вещи или явления устанавливается не всеми людьми сразу, но закрепляется эта связь всем обществом, включающим в свой обиход слова, обозначающие предметы, явления, вообще какие-либо факты действительности, реальные или ирреальные (например, *ангел* — слово, обозначающее несуществующий предмет). Чтобы понимать слово, необходимо иметь понятие о самом предмете. *Блюмса* — это для нас слово, если мы знаем, что таким звукосочетанием называют чушки из металла, обработанные на блюминге. Но возьмем звукосочетания *рольганг, фольганг, тольганг.* Что это — слова или простой набор звуков? Оказывается, одно из них — *рольганг* — слово, оно употреблено в романе А. Рычагова «К вершинам», этим звукосочетанием называется действительно существующий факт[1]. Два других звукосочетания образованы нами по аналогии. Так как они ничего не называют, так как за ними нет ни предметов, ни понятий, то это не слова. Для того чтобы сочетание звуков было словом, оно должно быть наполнено содержанием не только для самого говорящего, но и для слушающих, так как речь человека — двусторонний акт. Лексическое значение слова должно пониматься и говорящим, и слушающим одинаково, т. е. относиться ими обоими к одному и тому же обозначаемому явлению; такое взаимопонимание возможно только при условии, что говорящий и слушающий являются членами одного и того же языкового общения.

Встает вопрос, каким же образом звуковой комплекс приобретает значение, наполняется им, т. е. каким образом звуки связываются с вещью, явлением, понятием? Иными словами, как происходит наименование? Прикрепляются ли звуки к вещи случайно или по какому-то выбору?

---

[1] *Рольганг* — слово немецкое, Rollgang — конвейер, по которому груз перемещается по роликам, приводимым в движение от привода или силой тяжести самих грузов.

Языковед-материалист, исследуя соотношение звукового оформления в разных языках одного и того же предмета, приходит к выводу, что никакой внутренней органической обусловленности соединения звуков с вещью нет.

К. Маркс писал, что «Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой». Нет тождества не только между звучанием и предметом, но нет абсолютного тождества, как было выяснено, и между предметом и его образом, т. е. представлением, нет тождества между предметом и понятием. Все эти категории не тождественны, но соответствуют одна другой, соотносятся друг с другом.

Слово является наименованием предмета, исторически закрепленным за ним данным народом. Так, слово *сосна*, т. е. звуковой комплекс из пяти звуков, называет вид дерева, но если бы звуки первоначально были другие, предположим [калма], или те же звуки, но употребленные в другом порядке, например [сасон], они также выполняли бы функцию обозначения в том случае, если бы все люди стали называть это дерево такими комплексами звуков. Следовательно, звуковой комплекс сначала возникает для нужд общения (для обозначения предмета), но впоследствии перестает быть произвольным в отношении к обозначенному в употреблении остальных людей.

Слово не накладывается непосредственно на предмет, так как слово связывается с представлением, а затем с понятием о предмете. Поэтому-то природная материя (звуковая оболочка) не отражает зеркально в себе самого явления действительности, звуковая оболо́чка является средством обозначения [1] предмета или явления.

О том, что слово не имеет органического единства с природой вещи, писал еще Сланский. «Непосредственное выражение слов могло бы быть адэкватным с передаваемыми мыслями при том лишь условии, если бы каждая единичная мысль имела для себя особую, специально ей принадлежащую, форму словесного выражения: но разве такое положение дела мыслимо,— разумея, конечно... всю

---

[1] Нам не вполне понятен ход рассуждений Е. В. Шороховой в статье «Учение И. П. Павлова о сигнальных системах в свете ленинской теории отражения» («Вопросы философии», 1952, № 3, стр. 107), когда она говорит: «для человека слово как раздражитель выступает как сигнал сигналов, обобщенное отражение действительности...»

область живых мыслей людей,— эту беспредельно широкую и разнообразную и беспрестанно движущуюся и изменяющуюся область. В применении к последней области сказанное положение дела было бы возможно при условии, если бы мысли находили себе в словах естественное органическое выражение... В таком случае, конечно, ни о какой двойственности в выражении слов не могло бы быть и речи: слова имели бы лишь одно, безраздельное значение»[1].

Что слово как звуковой комплекс, естественно, не связано с предметом, вытекает из того, что одно и то же явление на разных языках называется разными звуковыми комплексами; например: «определение» по-английски обозначается definition. В чешском языке слово со значением «определение» звучит по-разному, в зависимости от того, к чему это слово относится, например, по отношению к болезни — rozpoznáni, к границам— určeni, к ценам — smanoveni, «грамматическое определение» звучит: přivlastek и т. д. Одно и то же понятие обозначается совершенно различными звуковыми комплексами. Следовательно, между природой звучания и природой обозначаемого предмета нет необходимой и непосредственной связи. Но если между природой звучания и значением такой связи нет, то каким же образом люди понимают друг друга, понимают значение слов? К взаимному пониманию слов приводит культурно-историческая общность людей, закрепляющая в традиции словоупотребления определенное значение или сумму значений за определенным звуковым комплексом.

Слово как звуковой комплекс, закрепляемый в качестве названия за каким-либо явлением действительности на основе культурно-исторического единства, определенного коллектива людей, становится достоянием всего этого коллектива. Следовательно, связь словесного комплекса с обозначаемым предметом в особом акте мысли является лексическим значением слова, которое, раз установленное, усваивается коллективом, а не создается каждый раз заново отдельным индивидуумом. Для других людей эта связь становится объективной, данной, утвержденной тра-

---

[1] В. Сланский, Грамматика — как она есть и как должна бы быть, СПБ, 1887, стр. 65.

дицией коллектива и уже непроизвольной. Если бы между словом и обозначаемым предметом была прямая органическая связь, то языки всего мира должны были бы быть лексически одинаковы, так как каждое слово непосредственно должно было бы отражать каждую вещь. Только тогда каждое слово своим звуковым обликом отражало бы природные свойства вещи, но тогда слово не было бы обобщением. А если бы слово не стало обобщением, то совсем не могло бы быть человеческого языка, люди бы никогда не смогли ничего сказать друг другу, так как каждая вещь отличается от другой, и нужно было бы описывать все ее детали с точки зрения говорящего при наличии слушающего, например, детали каждой комнаты, каждой березы, каждой речки; обобщенного же слова тогда не могло бы быть, потому что слово было бы всегда конкретно, неустойчиво, не общенародно.

Если бы каждое слово отражало своим звуковым обликом природные свойства предметов, то не могло бы быть никакого переноса значения слова, ни воспроизводства слова. Слово стало бы мертвой, застывшей единицей. А мы часто наблюдаем, как для обозначения нового явления, нового понятия употребляется уже существующее слово. Такой процесс переноса значения в слове возникает на основе сопоставления каких-либо сходных черт в разных предметах, например: *язык* человека и *язык* колокола, *хребет* животного и *хребет* гор, *корень* растения и *корень* слова.

Если бы звуковой комплекс отражал природу предмета, то как можно было бы назвать тем же звуковым комплексом ручку у ребенка, у двери, у чашки, у пилы и т. д. Можно было бы одним именем, т. е. одним звуковым комплексом, назвать и перо птицы, и стальную пластинку особой формы, употребляемую для письма, когда у них нет ничего общего, кроме функции. Многие одинаково звучащие слова (омонимы) обозначают совершенно разные вещи, являясь в достаточной мере удобными и понимаемыми, хотя вещи, называемые этими звуковыми комплексами, совершенно различны, а различие вещи обязательно должно бы отразиться в различных комплексах звуков.

Таким образом, слово как звуковой комплекс не есть непосредственное отражение предметов и явлений, как это утверждалось многими философами-идеалистами, от-

части и вульгарными материалистами, которые продолжали следовать древне-греческой ономатопоэтической теории происхождения языка и даже пытались развивать ее.

Метафизик Лотце в своей книге «Микрокосм» писал:

«Недостаточно назвать вещь как попало: она действительно должна так и называться, как мы ее зовем; имя должно быть свидетельством, что вещь принята в мир общепризнанного и познанного, и, как прочное определение вещи, должно нерушимо противостоять произволу». Наиболее ярко приверженность к ономатопоэтической теории образования слов выразилась у Лейбница, который считал, например, что звук *l* связан с понятием кротости, ласковости, расположения, мягкости и т. д.[1].

Теория, утверждающая, что слова возникли на основе подражания естественным звукам, сопровождающим процессы в природе, в последнее время была вновь возрождена и пропагандировалась как теория «вау-вау». Эта «теория» под разными соусами проповедовалась многими зарубежными авторами, а так же нашим русским ученым Погодиным. Появилась и противоположная, но такая же неверная теория, по которой выходило, что слова это лишь знаки, которые искажают смысл вещей, т. е. что основа словесного выражения — это искаженное изображение предметов, вследствие чего слова — обман[2]. Обе теории своими истоками восходят к одному и тому же утверждению, что слова не соответствуют действительности, т. е. ведут к разрыву слова и вещи. Классики марксизма дали точное разъяснение, а практика жизни подтверждает, что слово, обозначающее вещи, явления, предмет как звуковой комплекс не имеет органической связи с самой вещью и не может быть отражением ее. «Назвать имя? — но имя — случайность, и *самую суть вещи* не выражает (как выразить отдельное)»[3].

---

[1] Надо признать, что в отдельных случаях, конечно, звуки могут прямо «живописать» обозначаемые понятия. Так бывает в звукоподражаниях, например: *жужжать*, *мяукать*, *хрюкать*, *кукарекать*, *куковать*, *тарахтеть* и др.

[2] См. об этом в книге St. Chase «The tyranny of Words. London». 1943, p. 147.

[3] В. И. Ленин, Философские тетради, Партиздат, 1936 стр. 284.

4.

Те лингвисты, которые не видели в звуковом комплексе прямого отражения вещи и не отождествляли слово и понятие, считали все слово в целом (т. е. и с заключенным в слове понятием) знаком.

Термин «знак» для определения природы слова, несомненно, во многих отношениях неверен, так как очень многие лингвисты знак в языке как чисто звуковую сторону часто смешивают со значением. Так, например, у Потебни и у младограмматиков слово стало характеризоваться как «знак знака»[1]. Но видеть в слове знак знака — это значит скатиться к знаковой иероглифической теории, против которой так резко и справедливо выступил В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм», обвиняя Гельмгольца и Плеханова в агностицизме, в символическом понимании явлений мира. Однако можно ли отрицательное отношение В. И. Ленина к теории символов в области понятия отнести и к области слова? Ведь слово *рыба* как звуковой комплекс совершенно непроизвольно связано с известного рода видом живых существ. По-немецки рыба звучит Fisch, а по французски—poisson. Из данных примеров мы видим, что слово как звуковой комплекс—действительно непреднамеренно образованный комплекс. Но этот звуковой комплекс является выражением общенародного понятия о каком-либо предмете действительности. Поэтому знаком, т. е. «обозначаемым», можно назвать звуковой комплекс слова, а не понятие, заключенное в слове. Поэтому следует категорически исключить возможность видеть и в «значении» слова «знак». Слово своим звуковым составом выражает понятие, которое отражает явление действительности, и вместе с тем называет его, тем самым формируя понятие. Следовательно, слова — не копии предметов, но и не знаки их. Слово — обозначение явления действительности и выражение понятия о нем. Слово — по учению И. П. Павлова — сигнал первых сигналов.

---

[1] Потебня в книге «Из записок по русской грамматике» (изд. 1888, стр. 5) писал: «Поэтому звук в слове не есть знак, а лишь оболочка или форма знака, это так сказать знак знака».

Вследствие того что каждое слово что-то обозначает, каждое слово человеческого языка имеет значение. Однако значение в словах неодинаковое. Одни слова имеют самостоятельное лексическое значение, т. е. с их звуковым составом мы связываем то или иное понятие о явлении действительности. Так, имена существительные, обозначающие предметы или явления, прилагательные, обозначающие признаки предметов или явлений, глаголы, являющиеся обозначением действий и состояний. — одним словом все знаменательные части речи имеют лексическое значение, так как они обозначают реальные или ирреальные явления действительности. Слова служебные также имеют значение, однако их значение несколько иное. Слова знаменательные всегда могут быть соотнесены с каким-либо конкретным фактом действительности, служебные же слова выражают только отношения между этими фактами, которые в свою очередь также являются несомненной действительностью. Например, предлоги, имея общее значение выражения отношений, сами по себе не имеют самостоятельного лексического значения, хотя в соединении с другими словами и предлоги конкретизируются в своих значениях, например: «работала *в* Университете на филологическом факультете» и «родилась *в* ночь на 1-е июня». Или, например, в выражениях «достал *с* полки», «ушел *с* отцом», «яблоко *с* голову» — значение предлога *с* будет различное, но общее значение *с* — это значение, совпадающее с функцией; слово «*с*» как предлог выражает отношение предметов. Особо приходится рассматривать и группу слов местоименных, в которых налично особое значение указательности, с меняющимся конкретным содержанием в зависимости от субъекта, обстановки, ситуации речи[1].

Обычно под значением слова понимают лексическое значение. Лексическое значение слова следует понимать, принимая во внимание сущность и функции языка. А язык — явление сложное, многогранное и многофункциональное.

Однако самая главная и основная функция языка — функция общественная (быть средством общения), в которую органически входит и функция передачи мысли, выяв-

---

[1] См. В. В. Виноградов, Русский язык. Учпедгиз, 1947, стр. 323.

ления чувства и воли другим людям. Кроме того, язык выполняет функцию закрепления и хранения высказанных мыслей, следовательно, закрепления и хранения опыта всего человеческого коллектива. Язык служит средством объективации мысли, средством и орудием борьбы, познания действительности, т. е. средством воздействия на других людей. Из этих функций языка вытекают и все требования к языку, вытекает и понимание значения слова.

В лексическом значении слова реализуются все вышеуказанные свойства языка. Язык — средство общения и передачи мысли другим людям. Слово как единица языка, входящая основным элементом в общение, должно заключать содержание в себе, понятное всему коллективу людей, говорящему на этом языке.

Содержанием слова является то понятие о предмете, явлении, свойствах, действиях, которое является устойчивым, общенародным и однозначным, закрепленным в сознании всех, владеющих тем или иным языком. Поэтому-то и неправы были те ученые, которые считали, что язык — явление классовое, а не общенародное. Неправы и те ученые, которые выводили значение слова из контекста.

Итак, логическое понятие лежит в основе лексического значения слова, а представление служит исходным моментом для наименования.

В. И. Ленин в «Философских тетрадях» одобрил мысль Фейербаха о возникновении и природе имени вещи, т. е. названия: Фейербах, читая книгу о философии Лейбница, пишет: «Что же такое название? Служащий для различения знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы припомнить его в его целостности». В. И. Ленин пишет: «Хорошо сказано»[1].

Следовательно, в тех словах, в которых не забылся «бросающийся в глаза признак», этот признак, или «внутренняя форма слова», включен в лексическое значение слова, но отдаленно, при образовании слова, этимологически, а не в обычном употреблении. Произнося, что в этом году большой урожай «подсолнечника», я не думаю о том, что это растение поворачивает свой цветок в течение дня по

---

[1] В. И. Ленин, Философские тетради, Партиздат, 1936, стр. 84.

ходу солнца с востока на запад. Когда люди выражают чувство, то в лексическое значение слова входит эмоциональная окраска слова, т. е. наше отношение к тому явлению, которое обозначено в слове, или иначе сказать, в котором отражается эмоциональное отношение к факту действительности. Русский язык необычайно ярок по эмоциональности, которая выражается в слове особыми суффиксами. Лексическое значение остается в слове то же, т. е. сохраняется отнесенность к тому же предмету, но эмоциональное отношение, выражаемое в слове, меняется, например: *мать, мама, маменька, матушка, мамуля, мамочка, мамуся, мамусенька, мамуленька, мамка, мамашка.* Или: *брат, браток, братишка, братишечка, браточек; баба, бабочка, бабенка, бабешка, бабец, бабонька, бабища* и др. Все слова первого ряда обозначают одно и то же лицо — «мать». Слово *мать* имеет определенное значение и выражает определенное понятие. В словах же *мамаша, маменька* и др. эмоциональная окраска как бы налагается на общее значение слова, сообщая ему эмоциональный и нередко субъективный оттенок. Не являясь безразличным фактором в познании, тем не менее эмоциональные оттенки не являются выражением какого-либо существенного признака самого явления, так как новое значение эмоционального оттенка исходит из оценки самого говорящего. Здесь объективная действительность преломляется в субъективном отражении. Эта субъективная окраска может и правильно отразить действительность, но может ее и исказить. Элементы субъективно-индивидуального отношения в эмоциональной речи ярче, выпуклее и не всегда подконтрольны сознанию. Однако эмоции способствуют исканию истины. В. И. Ленин говорил: «...Без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины» [1].

Таким образом, общее понятие, заключенное в приведенных выше группах слов, одинаковое, а частное, эмоциональное значение в них разное, так как субъективное восприятие и отношение говорящего к предмету различно. Можем ли мы считать эти слова разными словами? С одной стороны, все эти слова выражают одно и то же логическое понятие и имеют одно общее значение «мать»,

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 237.

т. е. человек женского пола по отношению к рожденным ею детям. Но, с другой стороны, в словах *мамаша, мамочка,* кроме этого общего значения, выражается посредством суффиксов эмоциональное отношение говорящего, которое может быть различным: ср. *мамочка* и *мамашка.* Следовательно, с одной стороны здесь выражено нечто общее, с другой стороны — различное. Это различие и привносится субъективной окраской объективного явления. Поэтому лексически — это разные формы одного и того же слова.

Вместе с тем в слове как единице языка значение и оценка неразрывны. Именно оценка является внутренним фактором в изменении значения слова. Здесь никак нельзя согласиться с Антоном Марти, который оценку считает «побочным моментом значения, выражением только индивидуального отношения говорящего к предмету речи»[1].

Чувства человека тоже являются формой отражения действительности. При этом чувства всегда даны в единстве с мышлением и как изолированная форма отражения действительности существуют только в абстракции, а не в реальной жизни познающего и действующего субъекта[2]. Более правильно, чем Марти, рассуждал А. А. Потебня, который понимал, что слово и субъективно, и объективно. Объективно оно потому, что служит выражением общепонимаемого, а субъективно потому, что может быть выражением понимания явления, специфически присущего только говорящему индивиду в силу его индивидуально-чувственного восприятия. И нередко бывает, что эмоциональная сторона настолько сильна в слове, что интеллектуальная сторона речи ослабляется и слово переходит в междометие. «...речь служит выражению не одной логической или рассудочной, а также и других сторон духовной жизнедеятельности человека; в речи говорящий проявляет себя не как только сознающую, а вместе и как чувствующую и стремящуюся к чему-то личность, а потому он в ней: противопоставляет себя всему объективному, обращает речь к известным другим лицам или предметам, выражает при этом и свое сердечно-субъективное отношение

---

[1] См. Anton Marty, Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie, Halle, 1908.

[2] См. Ф. И. Георгиев, Ощущение и мышление — субъективный образ объективного мира, «Вестник» МГУ, 1948, № 6.

к передаваемому речью, и всегда и непременно направляет речь к достижению каких-либо целей»[1].

Чувства человека, т. е. отношение человека к явлениям мира, имеют также и общественный характер. Чувства нельзя отделять от сознания человека. Потребности и чувства являются важнейшим побуждением к реальной деятельности человека. «Воздействия внешнего мира на человека выражаются в его голове, отражаются в ней в виде чувств, мыслей, побуждений, волевых импульсов, словом— в виде «идеальных стремлений», и в этом виде они являются «идеальными силами»[2].

Итак, мы не можем сомневаться, что язык выражает не только элементы мышления, но и чувства и волю. Но эмоции и воля выражаются языком не непосредственно, а опосредствованно, осознанно, через мышление. Если бы язык не мог выражать образных представлений или чувства, то поэзии бы не существовало. Но, объективируя образы и эмоции в слове, поэт пользуется словами общенародного языка, в которых заключены понятия или общие представления, присущие всему народу. Однако следует помнить, что одно дело выразить мысль, сложившуюся посредством «внутренней речи», другое дело сформулировать ее. Этот вопрос остается еще совершенно неразработанным.

Ч. Дарвин в своей работе «О выражении эмоций у человека и животных» впервые научно поставил вопрос об эмоциях и их эволюционном развитии. Но проблема чувств человека и выражение его в языке остается до сих пор мало изученной, хотя значение важности чувств вообще подчеркивается всеми советскими учеными.

Эмоции, т. е. чувства, выражаются различными способами и различными языковыми средствами. Существует ряд слов, которые обозначают различные чувства: печаль, гнев, радость, возмущение, негодование и др. От этих слов образуются однородные слова, содержанием которых также являются чувства. «Мне грустно потому, что весело тебе», слова *грустно* и *весело* выражают состояние грусти и радости.

---

[1] В. Сланский, Грамматика — как она есть и как должна быть, СПБ, 1887, стр. 68.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. 1, Госполитиздат, 1938, стр. 336.

Слова-характеристики также обозначают состояние, чувство, переживаемое человеком.

Отрицательное чувство выражается в таких словах: *подлец—подлый, негодяй, негодный, мошенник, ненависть, страх, жуть* и др. Положительное чувство выражается в других словах: *милый, дорогой, голубчик, родной, радость, прелесть* и т. д.

Кроме целых слов, в которых выражается лексически содержание чувств, в языке эмоция может быть выражена морфологически, особыми формами слова, которые обычно называют эмоциональными суффиксами:

1) с положительной оценкой: *мам-енька, солн-ышко, брат-ец, сестр-ичка, пичуж-ечка;*

2) с отрицательной оценкой: *девч-онка, одеж-онка, мальч-ишка, дом-ишко* и др.

Нередко слово с эмоциональным суффиксом интонационно переводится в план отрицательного отношения, например: «Сыночек довел, что чуть с голоду не умираю».

Экспрессивная окраска видоизменяет оттенки значения слова.

Экспрессия слова не всеми учеными понимается одинаково. Одни полагают, что экспрессия — это выразительная сила речи, другие понимают экспрессию речи, как субъективную оценку того, что говорится. Мы полагаем, что экспрессия речи — это выразительность и изобразительность речи. Формы выражения экспрессии неисчислимы. В словарном запасе русского языка удивительное разнообразие средств экспрессивности: *невеселый, печальный, мрачный* — это разные слова, усиливающие экспрессивность обозначения чувства. Но экспрессивность может быть усилена в словах одинакового лексического значения.

Слово *мерзкий* — отвратительный, возбуждающий гадливое чувство. Образованное от того же слова — «мерзостный», с тем же значением, но с большей экспрессией, что и отмечается в «Толковом словаре» под редакцией Д. Н. Ушакова, например: *мерзкий, крайне отвратительный.* Более экспрессивно, чем «мерзкий», является и слово «омерзительный» — обозначающее то же чувство омерзения, гадливости, но с большей экспрессией.

Хвалить — выражает положительную оценку, а если сказать *нахваливает* с экспрессивным значением, то положительная оценка еще более усиливается.

Таким образом, экспрессивность также входит в общее лексическое значение, создавая степени усиления в том или ином оттенке значения: в отрицательном или в положительном.

Итак, лексическое значение в слове — это не только его соотнесенность к действительно существующему, или мыслимому факту действительности. Под «значением» надо понимать тот вкладываемый смысл, который сообщается в слове. «Под сигнификативной функцией понимается функция слова сообщать известное, выраженное в нем, содержание. Это сообщаемое словами содержание и является значением в собственном смысле слова (этим оно отличается от сигнала, крика)»[1], в значение входит и эмоциональная, и экспрессивная сторона языка, а также и слова.

Слово, обозначая вещи и явления и выражая отношения, имеет не только лексическое, но и грамматическое значение. В грамматическую природу слова входит морфологический состав слова, способы проявления связи между словами, выражающие отношения слов друг к другу.

Наличие грамматического значения в каждом слове приводит к тому, что формой слова выражается отношение к другим словам и тем самым положение обозначенного словом предмета в его отношении к другим предметам или явлениям, что также помогает правильному познанию действительности. Хотя свойства какой-либо вещи и не создаются ее отношением к другим вещам, но они обнаруживаются в таком отношении.

Грамматическая природа слова проявляется в его морфологической структуре. Наличие определенных суффиксов или особых окончаний указывает на определенную часть речи. Даже мало знающий грамматику русского языка человек не зачислит слова с суффиксами *-чик, -ец, -щик* в глаголы. В грамматическую природу слова входят и синтаксические отношения слов друг к другу, что обнаруживается либо в самом слове, либо в его положении относительно других слов. Возьмем звуковой комплекс *то-то.* В одном контексте это может быть уточняющей частицей: «Вот, то-то и есть», в другом контексте *то-то* выступает в значении усилительной частицы: «То-то смешно!»

---

[1] О. С. Ахманова, К вопросу о слове в языке и речи. Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, № 5, стр. 27.

То-то может выступать в функции наречия: «То-то мы вчера повеселились», т. е. очень сильно, хорошо. *То-то* может выступать в функции междометия: «То-то!» — сказала мать сыну. *То-то* может выступать в речи как причинный союз. Например, сообщают, что человек уехал внезапно в командировку, на что собеседник может ответить: «То-то я не видел его вчера на собрании», т. е. «так вот почему», «поэтому-то» я не видел его на собрании».

Совершенно различна морфологическая природа слова *раз,* если поместить его в разные контексты, например: «Вот тебе и раз!» (В значении междометия, выражающего удивление.) «Раз вечером я был у него» — однажды вечером — наречие времени. «Купил ботинки в самый раз», — т. е. впору — наречие определительное. «Семь раз отмерь — один раз отрежь» — *раз* имеет значение количественное. «Раз сам пришел, то и поговори» — *раз* равно союзу «если» [1].

Конструктивные формы, синтаксические функции, соотносительность с другими классами слов определяют морфологическую природу этих слов.

Грамматическое значение слова — это особый вид абстракции.

Грамматическое значение, заключенное в слове, выражает различные отношения, и поэтому без грамматики невозможно было бы передавать связные мысли. Грамматика организует слово, придавая ему необходимую форму для выражения различных сторон бытия. Наше мышление путем абстракции, отвлечения обобщает явления действительности в те или иные категории, а язык оформляет эти категории в различные части речи. Все вещи, предметы, явления, процессы, качества, свойства язык путем грамматической абстракции подводит под одну категорию—предметности, выработанную нашим сознанием на основе практики, путем познания. Таким образом в языке создается часть речи — существительное. В эту часть речи включаются слова, называющие все, что существует независимо от сознания человека и что осмысляется сознанием как предметность: *стол, поле, река, песня, женщина, заяц, свадьба, государство, труд, время, ненависть, красота* и т. д. И, наоборот, какое-либо одно явление, напри-

---

[1] См. об этом у В. В. Виноградова «Современный русский язык», вып. 1, 1938, стр. 128.

мер, проявление свойства, цвета, язык путем грамматической абстракции может отлить в разные категории: например, понятие цвета *белый* как качество предмета отливается в форму имени прилагательного; слово *белок* обозначает то же качество, но язык оформляет его уже как имя существительное; слово *белеет* обозначает проявление качества во времени — выражается формой глагола; слово *бело* тоже обозначает качество, но мыслимое как признак процесса, которое язык оформляет в наречие; слово *выбеленный* выражает тоже качество цвета, проявившееся во времени и ставшее признаком предмета,— оно оформляется в форму причастия; слово *белея* обозначает проявление того же качества, но это качество осмысляется в процессе, сопровождающем другой процесс или состояние, и язык выражает это в форме деепричастия.

В одинаковые грамматические формы отливаются слова и с различными лексическими значениями, т. е. любым конкретным лексическим значением; например, в имя прилагательное войдут слова *прошлогодний*, обозначающий отношение ко времени, *здешний* — отношение к месту, *дворянский* — отношение к сословию, *деревянный* — отношение к материалу, *широкий* — отношение к занимаемому пространству и т. д.

Однако совершенно игнорировать связи лексических значений слов с грамматикой нельзя, так как возможность сочетания слов зависит от лексического значения определяемого. Мы можем определить: «Степь широкая, ковыльная», но «хлеб пшеничный, черный, вкусный». «Ночь темная», но не «истинная», не «пшеничная». Лексическое значение в слове — важный фактор и для грамматики, хотя сущность грамматических значений иная, как совершенно иной является и грамматическая функция слова.

Процесс мышления протекает в определенных формах. Поэтому необходимо выявить, какие формы мысли облекаются в языковую оболочку и как они облекаются в нее.

Хотя язык и мышление образуют неразрывное единство, однако язык не является тождественным мышлению. Логика изучает и объясняет логический процесс мышления, исследует вопрос о том, в каких формах протекает процесс мышления. Уяснением вопроса, каким образом мысль облекается в «природную материю», должны зани-

маться языковеды, которым необходимо поэтому интересоваться и логической стороной речи.

О связи языка и мышления с исчерпывающей полнотой писали классики марксизма. После трудов И. В. Сталина вопрос о нерасторжимой связи языка и мышления стал ясным и непререкаемым. «Если мышление и речь не могут быть разобщены, то и грамматика не может существовать изолированно от логики. Логика учит тому, как нужно мыслить, чтобы мышление было правильным; но она учит также точной передаче результатов мышления. Отсюда следует, что логика и грамматика — науки смежные. Тот, кто изучает логику, должен очень часто обращаться к грамматике. Тот, кто изучает грамматику, должен обращаться к логике за тем, чтобы научиться из грамматических форм делать правильный выбор для более точного выражения своих мыслей» — таков совершенно правильный вывод Н. С. Виноградова [1]. Поэтому нельзя рассматривать слово как единицу языка в отрыве от понятия, как формы мышления, потому, что язык является оболочкой известного содержания и формы мысли. Еще К. Маркс называл язык основным элементом мышления, элементом, в котором выражается жизнь мысли [2]. Однако Маркс указывает также, что «идеи не превращаются в язык таким образом, чтобы при этом исчезало их своеобразие» [3]. Этот вопрос также еще совсем не разработан как философами, так и языковедами.

У нас еще до сих пор среди некоторых лингвистов существует нигилистическое отношение к изучению законов логики и отрицательное отношение к установлению связи, соответствия между категориями логики и категориями грамматики. Это неправильно. В трудах классиков марксизма-ленинизма не раз показывалась огромная важность и практическая необходимость изучения формальной логики, хотя вместе с тем показывалась и ее недостаточность и различие между логикой формальной и логикой диалектической [4].

---

[1] См. Б. М. Кедров, Против талмудизма и вульгаризации марксизма в учебнике логики для средней школы, «Вопросы философии», 1952, № 3, стр. 220.

[2] См. Архив Маркса и Энгельса, т. III, стр. 630.

[3] Там же, т. IV, стр. 99.

[4] См. М. Алексеев, В. Черкасов, К вопросу о логике и ее изучении, «Большевик», 1952, № 11, стр. 34.

Чтобы понять логическую сторону речи, необходимо понять логическую природу слова, выяснить взаимоотношение слова и понятия и их отношения к явлениям действительного мира, т. е. те вопросы, которые рассматривались нами выше.

5.

Первая ступень познания — живое созерцание, чувственное восприятие: «...ощущение есть результат воздействия материи на наши органы чувств»[1], — говорит В. И. Ленин.

«Материя есть первичное, мысль, сознание, ощущение — продукт очень высокого развития»[2].

След от восприятия, от ощущения, оставаясь в сознании, может быть воспроизведен и тогда, когда предмет, оставивший этот след, исчезает из сферы восприятия, а затем вспоминается. Тогда появляется представление.

Начальной формой мысли считается представление. Зрительное восприятие дает ощущение, например, какого-либо конкретного дерева. Воспроизведение в памяти конкретного образа этого предмета, основанное на прошлом опыте, и называется представлением. Значит, представление — это воспроизведение в сознании ранее воспринятого образа предмета. Представлению свойственна наглядность. Выявить закономерности какого-либо явления представление не может. Представление есть лишь переходный акт от чувственного познания к логическому, так как и представлению свойственна образность. «Диалектичен не только переход от материи к сознанию, но и от ощущения к мысли...»[3].

Обладать представлениями способны только такие живые существа, которые имеют большие полушария мозга.

Все перечисленные виды познания относились акад. И. П. Павловым к первой сигнальной системе.

О том, как появляются представления, говорил И. В. Сталин еще в 1907 году:

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XIV, стр. 45.
[2] Там же, стр. 63.
[3] В. И. Ленин, Философские тетради, Партиздат, 1936, стр. 289.

«Что касается того, каким образом рождаются в настоящее время в нашей голове различные представления и идеи, то мы должны заметить, что здесь вкратце повторяется то же, что происходит в истории природы и общества. И в данном случае предмет, находящийся вне нас, предшествовал нашему представлению об этом предмете, и в данном случае наше представление, форма, отстаёт от предмета — от своего содержания. Если я смотрю на дерево и вижу его,— это означает лишь то, что ещё до того, как в моей голове родилось представление о дереве, существовало само дерево, которое вызвало у меня соответствующее представление...»[1].

Ощущение — первая ступень человеческого познания. Унаследовав ее от своих предков, Homo sapiens, «мыслящий человек», не утратил, а наоборот, еще более широко развил систему ощущений, хотя, быть может, некоторые виды ощущений у него притупились (ср. обоняние собаки и обоняние человека). Но человек приобрел высшую логическую способность мыслить при помощи логических категорий.

Как же происходит логический процесс познания согласно ленинской теории отражения?

«Перед человеком *сеть* явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею»[2].

«Моменты познания (=«идеи») человеком природы вот что такое категория логики»[3].

В. И. Ленин учит, что категории логики вытекают из человеческой практики: «...практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, *дабы* эти фигуры *могли* получить значение *аксиом*...»[4]. «Самые обычные логические «фигуры»...— суть школьно размазанные, sit venia, verbo, самые обычные отношения вещей»[5], — писал В. И. Ленин, конспектируя книгу Гегеля «Наука логики».

Чтобы познать сущность вещей, необходимо соеди-

---

1 И. В. Сталин, Сочинения, т. 1, стр. 319.
2 В. И. Ленин, Философские тетради, Партиздат, 1936, стр. 94.
3 Там же, стр. 190.
4 Там же, стр. 183—184.
5 Там же, стр. 172.

нить чувственное познание с логическим, так как логическое мышление не может существовать без чувственных восприятий. Логическое мышление отражает действительность вернее и глубже, чем чувственное восприятие и даже представление, о чем мы читаем у В. И. Ленина: «Представление не может схватить движения в *целом*, например, не схватывает движения с быстротой 300.000 км в 1 секунду, а *мышление* схватывает и должно схватить»[1]. Только понятие как логическая категория способно к полной абстракции и к предельному обогащению своего содержания. «От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности»[2]. Мышление — процесс опосредствованного обобщенного познания мира по определенным логическим законам, т. е. в определенных логических формах — категориях, понятиях, суждениях, умозаключениях.

«Сначала,— говорит Ленин,— *мелькают* впечатления, затем выделяется *нечто*, — потом развиваются понятия *качества* (определения вещи или явления) и *количества*. Затем изучение и размышление направляют мысль к познанию тождества — различия — основы — сущности versus явления — причинности etc»[3]. Так представляет В. И. Ленин самый процесс познания мира нашим сознанием.

Поэтому Ленин и учит, что именно... «понятия — высший продукт мозга, высшего продукта материи»[4].

«Понятие само по себе отражает уже не только явление вещей, отдельные стороны вещей, их внешнюю связь, а представляют собою овладение сущностью вещей, общностью вещей, внутренней связью вещей. Понятие и ощущение имеют не только количественное различие, но и качественное различие... Это — вторая ступень познания»[5], — заключает Мао Цзэ-дун. «Эта ступень понятия суждения и умозаключения является в общем процессе познания людьми вещей еще более важной ступенью, ступенью рационального познания»[6].

---

[1] В. И. Ленин, Философские тетради, Партиздат, 1936, стр. 218.
[2] Там же, стр. 166.
[3] Там же, стр. 240—241.
[4] Там же, стр. 163.
[5] Мао Цзэ-дун, Относительно практики, «Большевик», 1950, № 23, стр. 11.
[6] Там же.

Понятие есть опосредствованное, обобщенное отражение действительности в мышлении. Именно в понятиях отражается сущность явлений, предметов объективного мира. Понятие отличается от представления своим большим обобщением. Результаты, в которых обобщаются данные опыта, суть понятия. Дать определение какого-либо понятия — это значит вскрыть его существенные стороны. «Что значит дать «определение». Это значит, прежде всего, подвести данное понятие под другое, более широкое»[1].

Понятие не только раскрывается в суждении, но и возникает лишь в процессе суждения. Возьмем понятие «общество». В таком виде это будет понятие с нераскрытым содержанием, но вместе с тем даже в таком виде оно уже результат суждения. Мышление понятиями протекает в словесном оформлении. Всякое понятие реализуется, выявляется в слове или в словосочетании. Без слов понятия существовать не могут.

Итак, марксистско-ленинской наукой обоснованы две ступени в едином процессе познания. На низшей ступени познание происходит путем ощущений, восприятий, представлений, на высшей ступени познание выражается в логических формах. Эти две ступени — чувственная и рациональная — различны по своему характеру, но неотделимы друг от друга. Они взаимосвязаны, взаимопроникающи.

Кратко рассмотрев чувственную форму познания, мы должны большее внимание уделить высшей форме познания.

Логика установила определенные логические формы: *понятие, суждение, умозаключение.* Но нам кажется, что логики мало уделяют внимания *общим представлениям.* Такой термин часто встречается в работах логиков, но не имеет достаточной определенности. Аристотель в книге «Категория» пишет следующее: «Из слов, высказываемых без какой-либо связи, каждое означает или сущность, или отношение, или место, или время, или положение, или обладание, или действие, или страдание»[2]. Вряд ли нас может сейчас удовлетворить такая классификация категорий. Однако эта классификация даст возможность опре-

---

[1] В. И. Ленин, Философские тетради, Партиздат, 1933, стр. 287.
[2] Аристотель, Категории, кн. I, перевод И. В. Кубицкого.

делить, что нужно считать категорией. Основными категориями диалектического материализма являются: материя, движение, время, пространство, качество, количество, взаимосвязь, противоречие, противоположность, причинность, форма и содержание, сущность, явление, действительность, возможность, необходимость и др. Но этот круг категорий не является замкнутым: с развитием мышления, обусловленным объективным развитием общества, количество категорий увеличивается. Чем будет богаче общественная жизнь, чем глубже научное познание действительности, тем больше будет категорий, понятий. Понятие включает в себя и содержит в себе все богатство особенного, индивидуального, отдельного.

«...отдельное, — писал В. И. Ленин, — не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее... Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого *рода* отдельными (вещами, явлениями, процессами)» [1].

Как было уже сказано, понятие нельзя отрывать от суждения. Суждение — это форма мышления, в которой человек отражает объективные отношения и объективную связь предметов и процессов. Суждение в логике считается такой формой мышления, в которой можно выразить развернутую мысль. Но суждения без понятия быть не может, как не может быть и понятия без суждения; они оба предполагают друг друга. Мышление протекает путем движения понятий. Если сказать слово «дерево», то этим было бы выражено конкретное понятие, в котором уже заключено предшествующее суждение, образовавшее понятие о дереве, а если сказать «дерево—растение», то это уже новое суждение. Подведение одного понятия под другое, более широкое, раскрывает понятие, но только одну его сторону. Понятия бывают общие и единичные. Общее понятие заключает в себе понятие, охватывающее определенное число однородных явлений, предметов, например, «человек», «война», «жилище». Единичное понятие включает только какой-либо один предмет, явление, событие, например: «Отечественная война», «Петр Первый», «улица Горького». Все единичные понятия связываются с общими.

---

[1] В. И. Ленин, Философские тетради, Партиздат, 1936, стр. 327.

Понятия бывают конкретные, отражающие отдельную целостную вещь, предмет, явление, например: «дом», «стол», «дерево», «солнце», и абстрактные — отражающие не целый предмет, явление, а его отдельное свойство в отвлечении от предмета: «храбрость», «верность», «величие».

Понятия могут быть собирательными, заключающими совокупность, собрание предметов: «лес», «войско», «дружина» и др. Выделившийся из понятий особый вид — понятия категорий — это такие научные и общественные понятия, которые вырабатываются человечеством столетиями, в которых отражены общие и наиболее существенные свойства и качества явлений действительности, например: «материя», «движение», «форма», «содержание», «сущность», «явление», «свобода», «государство», «класс» и др.

Понятия не неподвижны и не мертвы.

Энгельс в «Анти-Дюринге» критикует метафизиков за неверное понимание ими отношения вещей и их мысленных отображений, говоря: «Для метафизика вещи и их умственные образы, т. е. понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого»[1].

Следовательно, для Энгельса понятие — это отражение объективных явлений мира в субъективном сознании человека. Из других высказываний классиков марксизма также можно вывести, что они считали понятие снимком, копией с явлений действительности, например: «...мы... увидели в человеческих понятиях снимки с действительных вещей, вместо того, чтобы в действительных вещах видеть снимки с абсолютного понятия, находящегося на известной ступени развития»[2]. Или: «Понятие фигуры, как и понятие числа, заимствовано исключительно из внешнего мира, а не возникло вовсе в голове из чистого мышления. Раньше чем люди могли придти к понятию фигуры, должны были существовать вещи, которые имели форму и формы которых сравнивали»[3].

В. И. Ленин исчерпывающе объясняет процесс движения понятий. «Человек не может охватить=отразить=отобразить природы *всей*, полностью, ее «непосредствен-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 21.
[2] Там же, стр. 663.
[3] Там же, стр. 39.

ной цельности», он может лишь *вечно* приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т. д. и т. п.[1]. Понятие нельзя мыслить обособленно. «Каждое понятие находится в известном *отношении,* в известной связи со *всеми* остальными»[2]. Итак, классиками марксизма установлено, что понятие — это форма мысли, форма отражения существенных признаков предмета. Как и предметы в природе, понятия в мышлении не существуют изолированно.

«Великая основная мысль, что мир состоит не из готовых законченных *предметов,* а представляет собою совокупность *процессов,* в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и мысленные их снимки в нашей голове, понятия, находятся в беспрерывном изменении: то возникают, то уничтожаются,— эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде»[3].

Однако для познания отдельного явления (предмета) можно выключить это явление (предмет) из общей цепи явлений. Такое препарирование единицы мышления из всего процесса мысли в целях его изучения является вполне закономерным.

«Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление,— и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и *всякого* понятия»[4].

Наши советские логики в своих определениях понятия исходят из указанных положений классиков марксизма, отмечая, что в основе понятия лежит словесное обобщение существенных признаков предмета.

Понятие будет истинным, если оно верно отражает действительность, если оно соответствует факту, явлению, действительности. Но понятие может быть и ложным, если оно неверно отражает действительность, искажает, извращает ее. В современных работах логиков понятия в основ-

---

[1] В. И. Ленин, Философские тетради, Партиздат, 1936, стр. 176.
[2] Там же, стр. 189.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 664.
[4] В. И. Ленин, Философские тетради, Партиздат, 1936, стр. 268.

ном делятся на два типа. Понятие как элемент мышления, как образ, отражение какого-либо явления, например то, которое получилось в результате суждения: это — «дерево», «дом», «радость», «горе», «земля», «воздух». Здесь отдельное слово выражает простейшее понятие. Но понятие может обобщить сложную сумму знаний о явлении: «коммунистическое мировоззрение», «диктатура пролетариата», «диалектический материализм». В таких понятиях заключается уже целая система знаний о явлении, и такие понятия-категории возникают и развиваются в процессе длительного познания действительности в результате анализа и синтеза и обобщения в словах.

«Познание человека не есть (respective не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали» [1],— пишет в своем блестящем фрагменте «К вопросу о диалектике» В. И. Ленин. Эту мысль можно иллюстрировать следующим примером: «Эта роза» — «Роза — цветок», «Цветок — растение» и т. д. Роза — один из цветков, а цветок один из видов растения. В процессе суждения мы получили понятие «роза», которое стало исходным пунктом в следующем суждении.

Таким образом, мышление — это процесс познания, переход от простого к сложному, от конкретного к абстрактному.

Чтобы составить понятие о предмете, человек из всего огромного количества свойств и признаков предмета выделяет наиболее важные и существенные, без которых нельзя составить понятие о предмете. Следовательно, как мы уже указывали, понятие — это форма мысли, это знание о предмете, явлении, процессе, качестве и т. д., т. е. знание и обобщение в слове всех существенных признаков предметов, явлений, процессов.

Однако если явления индивидуальны и неповторимы, образование общих понятий невозможно. Образование общих понятий возможно только там, где явления не только различаются друг от друга, но где в явлениях есть и нечто общее.

«Понятие отдельного слова связано прежде всего с понятием отдельного предмета, которое появляется в результате анализа действительности и под влиянием наше-

---

[1] В. И. Ленин, Философские тетради, Партиздат, 1936, стр. 328.

го активного к ней отношения»[1], — писал один из виднейших русских лингвистов, акад. Л. В. Щерба.

В объем понятия включаются отношения к определенному кругу предметов, например *солнце — звезда*. В объем понятия «дерево» включаются все деревья. Содержанием понятия называют совокупность всех существенных признаков предметов, охватываемых понятием. Возьмем понятие «береза». Относя это понятие к какой-либо видимой нами определенной березе, мы будем иметь конкретное понятие об этой березе со всем богатством конкретного содержания. Но если мы возьмем понятие «береза», охватывающее все березы, то объем нашего понятия расширяется, но станет менее конкретным; если же мы возьмем понятие «лиственные деревья», то объем понятия будет еще шире, так как в это понятие войдут не только березы, но и осины, липы, дубы и т. д. Содержание будет еще менее конкретно, так как войдут не все существенные признаки, а только один — наличие листьев у дерева, ствола и кроны, без указания на их качество. Но этот основной признак выступает наиболее рельефно. В этом и состоит абстракция, т. е. отвлечение от несущественного и познание общих закономерностей, общих свойств.

Абстракция глубже раскрывает сущность предметов. «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное* (NB) ... *от* истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*. От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности»[2].

Понятия неоднородны по своему объему, содержанию. Понятия различаются также в зависимости от того, какую роль они выполняют в суждениях. «Суждение выявляет понятие, а не простое сочетание готовых понятий в их связи образует суждение. Через суждение можно и должно усвоить и раскрыть природу понятий, а не наоборот, — через комбинацию понятий мы не выявим позна-

---

[1] Акад. Л. В. Щерба, Преподавание иностранных языков в средней школе, 1947, стр. 76.

[2] В. И. Ленин, Философские тетради, Партиздат, 1936, стр. 166.

вательной функции суждения»[1], — пишет проф. П. С. Попов.

В зависимости от этого понятие может быть более богатым по содержанию или более бедным.

Мы не можем претендовать на полноту изложения сущности понятия. Рассмотрение «понятия» нам необходимо для того, чтобы правильно понять слово, в котором формируется понятие. Следовательно, понятие — это форма мысли, отражающая сущность явлений действительности по основным признакам, проявляющаяся в звуковой оболочке — в слове.

6.

Слово, как правило, является названием какого-либо предмета, действия, качества, свойства или отношения. Но в слове как словесной оболочке мысли недостаточно видеть только название, только знак вещи или предмета. Каждое слово есть обобщение и абстракция. Значение слова, как мы видели, очень многосторонне, так как в него включается значение лексическое и логическое, грамматическое, эмоциональное и экспрессивное. Связь слова с понятием непосредственна. Понятие как форма мысли приблизительно верно отражает предмет, но не тождественно предмету. Возьмем слово *дом* в предложении: «Дом расположен на пригорке». Слово *дом* имеет лексическое значение, так как соотношение этого слова с предметом устойчиво, оно закреплено традицией понимания в течение всей истории говорящего на этом языке народа. В слове *дом* заключено понятие, т. е. категориальное, логическое значение. Следовательно, это слово содержит обобщение основных признаков предмета «дом». Но у слова, как звукового компонента, нет органической связи с предметом. Русский скажет «дом», глядя на определенный вид жилища. Француз скажет La maison, немец — Das Haus и т. д. Связь звуков и обозначаемого случайна при возникновении, но установлена и закреплена обществом при общении. По своему лексическому и категориальному значению слово *дом* можно поставить в ряд других слов такого же порядка: *стол, лес, город* и т. д. Этот ряд слов обобщается по их основным признакам и об-

[1] П. С. Попов, Логика Аристотеля и логика формальная, Известия Академии наук СССР, серия истории и философии, т. II, № 5, 1945.

разует **часть речи** со значением предметности. Для такого грамматического обобщения уже безразлично, какое конкретное лексическое значение несет в себе каждое из слов: *стол, ребенок, мысль, гнев, счастье.*

Уяснив, что такое понятие и что такое слово, постараемся разобрать, в каком соотношении находится значение слова к понятию в слове. Совпадают ли значение и понятие в слове?

Определив понятие, как форму мысли, отражающую основные признаки предметов, явлений, процессов, качеств, мы можем поставить вопрос: все ли слова в своей основе заключают логическое понятие? Анализируя словарный состав языка, мы видим, что все слова, в которых выражено нечто обобщенное, содержат в себе понятия. Однако явления действительности имеют не только форму предметов, но и форму процессов, качеств, свойств и т. д. Все формы действительности отражаются в особых формах мысли. Поэтому в мысли существует не только понятие о предмете, но и понятие о действии, признаке, качестве и т. д.

На основании этого мы можем думать, что всякое существительное, прилагательное, глагол, наречие и др. в своих исходных формах заключают в себе понятия как продукт обобщения и обозначения в слове основных существенных признаков предмета. Значение же имеют не только исходные основные формы слова, но и все формы производные. Когда мы вскрываем сущность понятия, мы относим данное понятие к какому-либо другому кругу явлений, например, как вида к роду: «осел — животное», «роза — цветок», «сосна — хвойное дерево». Однако не все слова заключают в себе выработанное логическое понятие, но все слова имеют какое-либо значение, какой-либо смысл. Даже частицы, междометия, и те имеют какой-то определенный смысл, хотя бы в соединении с другими словами. Например, частица *ли,* приставленная к любому слову, обозначает вопрос, следовательно, она имеет значение, так как выполняет вопросительную функцию, но, конечно, *ли* не заключает в себе **логического понятия**[1]. Если мы возьмем такие междометия, как *тсс!.. чшш!..,* то все поймут эти звукосочетания, как знак молчать, не шуметь.

---

[1] **Логическое понятие** заключают слова, являющиеся результатом суждения в процессе познания: *Это* — дерево. *Сталь* — металл.

Однако в этих звукосочетаниях, в этих междометиях логического понятия не заключено, хотя они что-то значат. В словах *Петр, Сергей, Анна*[1] никаких понятий с логической точки зрения также не заключено. Следовательно, не все слова выражают понятия, но абсолютно все имеют значение. Понятия могут быть тождественные, имея общий объем, однако различно выраженные. Тождественные понятия выражены, например, в следующих выражениях: «няня», «подруга дней моих суровых», «голубка дряхлая моя». Все три выражения в своей основе имеют одно и то же лицо, т. е. один и тот же предмет, но не все признаки у этих выражений совпадают. Одно и то же лицо обозначено по-разному. В одном случае одним словом, называющим предмет, а в других случаях словосочетаниями, в которых, кроме понятия, как копии предмета, имеются еще дополнительные значения. Понятия о предмете тождественны по объему. Содержание же этих понятий не совпадает. Поэтому и значение этих выражений разное.

Когда обозначенный разными словами предмет один и тот же, понятие о нем тождественно, т. е. оно одинаково по объему, но слова различны по значению, так как к предмету подходили с различных точек зрения. Поэтому и значение приведенных слов и словосочетаний разное. Другой пример слова, выражающего конкретное понятие, — слово *вода*, слово, обозначающее жидкость без вкуса и запаха. Поставим это слово в разные контексты: «Вода — краса природы», «Вода — залог урожая», «Вода — самый выгодный путь сообщения». В этих предложениях в слове *вода* сохранилось первичное конкретное понятие, однако оно будет раскрываться таким образом, что будет содержать в себе нечто иное по значению. В этих случаях слово *вода* заключает разные понятия по содержанию, а не по объему, и, следовательно, имеет разное значение. Таким образом, понятие конкретизируется, раскрывается в суждении так же, как значение слова конкретизируется в предложении. Хотя слово *вода* и имело различные оттенки значения, но слово во всех трех суждениях — одно, и выступало оно в своем главном основном значении, выражая одно и то же понятие по объему. Вместе с тем в каждом словосочетании присоединялся добавочный смысл. В

---

[1] Когда-то в этих словах были понятия: *Петр* — камень.

таком предложении, как «Это не доклад, а вода», слово *вода* имеет уже не только другое значение, но и другое понятие по объему, хотя существенный ее признак, что доклад «жидкий», а не «плотной консистенции», имеется и в последнем выражении. Это и позволило употребить слово *вода* в данном контексте. Однако слово *вода* в последнем предложении употреблено образно[1].

Разные значения в слове возникают в зависимости от того, в какой круг понятий встает данное слово. Изменяясь в значении, слово начинает выявлять не всю совокупность признаков, содержащихся в понятии, а только какой-то один из существенных признаков, который выделяется, абстрагируется и на основе совпадения этого существенного признака с таким же признаком в другом явлении и рождается в слове новое — переносное значение, например: полотно как «ткань», полотно «железной дороги» и полотно — «картина».

В разных словах понятие и значение слова находятся в различных отношениях. Надо видеть разницу между общенародным, устойчивым значением слова, его «словарным» значением, и конкретным значением слова в контексте, в предложении. Необходимо различать новое значение слова и употребление. Ни в коем случае нельзя считать, что каждое новое употребление рождает новое слово, хотя и в старом звуковом обличии.

«Употребление — это или след былых применений слова, не создавших особого значения, или новое применение одного из значений слова в индивидуальном, не вполне обычном фразеологическом окружении, в своеобразной ситуации с новой образной направленностью»[2].

Чем больше в слове заключено обобщающего, чем более абстрагировано оно, тем точнее, однороднее, компактнее и однозначнее такое слово. Предела однозначности слово достигает тогда, когда оно становится **термином**.

---

[1] В статье «Основные типы лексических значений слова» акад. В. В. Виноградов пишет: «Интересно наблюдать колебания наших лексикографов в решении вопроса, можно ли считать особым значением возникающие и развивающиеся формы переносного образного употребления слова», «Вопросы языкознания», 1953, № 5, стр. 11.

[2] В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова, «Вопросы языкознания», 1953, № 5, стр. 22.

7.

Контексту принадлежит большая роль в определении значения слов, однако вряд ли было бы верным считать, что слово обнаруживает свою природу только в контексте. Общее, первичное значение слова понятно и вне контекста.

На точке зрения, утверждавшей, что слово обнаруживает свою природу только в контексте, стоял когда-то Потебня, для которого слово вне контекста было «мертвым препаратом»[1]. Некоторые лингвисты полагают, что вопрос о взаимоотношении между номинативной и сигнификативной функциями слова в синхроническом аспекте может рассматриваться так же, как вопрос о взаимоотношении значения слова в контексте и вне его. Мы также думаем, что слово как конкретная единица речи всю полноту жизни проявляет в связной речи, в контексте; но как единица словарного состава языка имеет значение и вне контекста.

Слова могут быть и однозначны, и многозначны. Слово, как элемент речи, формирующий и формулирующий отдельное понятие, уже таит в себе возможность многозначности, потому что понятие в слове хотя и является снимком, копией, но не является зеркальным отражением действительности, а лишь приблизительно точным. В познании человеком явления действительности проявляется субъективность, индивидуальность сознания. Она проявляется и в отражении действительности словом. Поэтому-то в разных языках один и тот же предмет не только называется различными звуковыми комплексами (например, *хлеб* — Brot—parn и т. д.), но и представление, легшее в основу слова при формулировании понятия, может быть разным. Так, например, в русском языке в основу слова *портной,* образованного от *порты,* положено представление об одежде, в то время как в немецком языке слово Schneider образовано от schneiden — «резать», а в армянском dezcad — «портной» образовано от слова dezcan — «нитка». Русское слово *жениться* образовано от *жена,* а *выйти замуж* в основе имеет слово *муж,* в то время как в испанском оба понятия выражаются одним глаголом casarse — от casa — «дом», т. е. «жениться» или «выходить замуж» значит

---

[1] На такой точке зрения в настоящее время стоят многие лингвисты Запада: Ельмслев, Брондаль и др.

«одомиться», в немецком и жениться, и выйти замуж — heiraten.

Таким образом, у одного народа при формировании понятия в основу понятия ложатся одни его признаки, в то время как у другого народа в основу понятия ложатся другие признаки. Значит, сохранившееся в слове представление о первичном признаке, легшее в основу понятия, может быть разное.

Идеалистическая лингвистика также замечала эту особенность соотношения понятия и слова и пыталась, начиная с В. Гумбольдта, найти разрешение этого вопроса в учении о внутренней форме слова (Г. Штейнталь, А. Марти, О. Функе и др.). Это учение развивал, вслед за В. Гумбольдтом и Штейнталем, и А. А. Потебня, понимавший «внутреннюю форму», как «способ представления внеязыкового содержания». Это наиболее слабая и наименее самостоятельная часть лингвистического учения Потебни. Позже этот термин в нашем языкознании применял Д. Н. Кудрявский, толковавший самый термин несколько иначе, чем А. А. Потебня[1], и в советское время Р. А. Будагов, считавший «внутреннюю форму» представлением одного какого-либо признака, который лежит в основе образования слова[2].

В настоящей брошюре нет возможности остановиться более или менее подробно на критике, которую требует «учение о внутренней форме слова». Марксистское языкознание должно коренным образом пересмотреть весь круг относящихся сюда вопросов. Мы ограничиваемся только указанием, что самый термин «внутренняя форма» заключает в себе противоречие (катахрезу), так как форма всегда является чем-то внешним по отношению к содержанию. Понимаемая же как представление внеязыкового содержания, «внутренняя форма» не всегда будет связана с современным значением слова.

---

[1] Д. Н. Кудрявский, Введение в языкознание, изд 2, Юрьев, 1913. «...действительно, если мы будем рассматривать слово в целом, то на значение его мы можем смотреть как на содержание. Это значение всегда облечено в форму звука, т. е. во внешнюю, воспринимаемую слухом форму. Второй элемент слова, символ, является тоже формальным элементом, но его формальность совсем иного характера. Здесь уже не звук, а представление является знаком другого представления, символом значения слова. Это уже не внешняя, а внутренняя форма».

[2] Р. А. Будагов, Слово и его значение, Л., 1947.

В силу того, что одни люди при образовании слова могут брать один признак, а другие люди — другой, слова и различаются по внутренней форме. В силу того, что в основу может лечь при образовании слова любой существенный признак предмета, то из одного слова образуются другие слова, одинаковые по звучанию, но с новым значением, чем-то родственным первому значению. Например, «гнездо птицы» и «гнездо» в значении семьи, как «родное гнездо». *Стол* — как мебель и *стол* — как совокупность кушаний, например: «у них хороший стол». *Корень* — «подземная часть» растений, питающая его; *корень* — «внутренняя часть», «основание» зуба, волоса, ногтя, в грамматике — «основная часть слова» (непроизводная основа) и др. Слова звучат одинаково, а значения в них хотя и разные, но какой-то одной своей стороной связаны друг с другом. Однако иногда слова настолько расходятся в своем значении (диэтимологизуются), что ничего общего в современном языке у них не остается, и только путем лингвистического анализа можно восстановить их прежнюю семантическую общность.

Например: слово *найти* — первичное *найти* — «натолкнуться на что-либо при ходьбе». Ср. древнерусское *налѣзти* («найти», «встретить»): «аще не поидеше к намъ, то налѣземъ кнѧзѧ собѣ» (Пов. врем. лет, 6478 г.). Современное *найти* уже потеряло всякую связь со значением слова *идти*, и слова стали омонимичными в таких выражениях: «Я нашла на кочку и споткнулась». «Я нашла, что пьеса интересна». Проверить, омонимичны ли слова одно другому, можно таким образом: надо к каждому из слов подставлять синоним. Если в синонимах нет ничего общего, то эти слова — омонимы, т. е. они являются или случайно совпавшими по звучанию, звуковыми комплексами, например, *лук* — «растение» (старосл. лоукъ) и *лук* — «оружие» (старосл. лѫкъ), или настолько разошлись в значении, что в них нет никакой общности, например: *патрон* — «покровитель», *патрон* — «образец выкройки», *патрон* — «часть осветительного прибора», *патрон пули*. Однако ко всем омонимам с такой проверкой подойти нельзя.

Нередко слово резко изменяет свое значение, но бытует в языке и в старом, и в новом значении. Иногда же новое значение в слове вытесняет старое; например,

слово *позор* еще у молодого Пушкина означало «зрелище» («Везде бичи, везде железы, законов гибельный позор»). «Но между тем какой позор являет Киев осажденный». Но с 20-х годов это слово Пушкин употребляет уже в значении «бесчестье», «постыдное положение»[1].

Следовательно, значение слова может изменяться, а звуковой комплекс остается тот же. Таким образом, слово может быть многозначным и в синхроническом плане, но многозначность возникает всегда в процессе исторического развития слова. «Многозначность», или «полисемия», — это способность слова одновременно обладать разными значениями в языке»[2]. Полисемия — явление, исторически возникающее и развивающееся, а не изначальное, как думал Н. Я. Марр и как думают многие буржуазные лингвисты (ср., например, этимологический словарь индоевропейских языков Вальде-Покорного).

Понятия включают в себя не все признаки предмета, а только существенные. В представление же могут быть включены и несущественные признаки. Такой несущественный признак может лечь в основу развития значения слова. Например, *борода* — слово, обозначающее растительность на лице мужчины, но по этому непостоянному и необщему признаку я могу назвать мужчину *бородой*. Или слово *шляпа* в обращении: *«Эй ты, шляпа!» Борода, шляпа* как отдельный признак человека может быть тем представлением, название которого и выражено образно.

Таким образом, в живых контекстах любое слово действительно может приобретать множество новых значений, но все эти значения при своем возникновении должны быть как-то связаны смысловыми отношениями с основными значениями слова. Ср. *очередь* — «порядок в следовании чего или кого-либо» и *очередь* — «определенное количество патронов, снарядов, выпущенных орудием, например, пулеметом».

Однако это верное в общем положение нельзя отнести ко всем словам языка. По отношению к полисемии и моносемии слова ведут себя различно. Огромное большинство слов полисемично. Даже предлоги большею частью мно-

---

[1] См. статью В. В. Виноградова, «Лексические заметки», «Ученые записки» Московского дефектологического института, т. I, стр. 17.

[2] См. статью О. С. Ахмановой в «Докладах и сообщениях филологического факультета МГУ», № 5.

гозначны. Существительные, прилагательные, глаголы в большинстве случаев многозначны, в то время как числительные, местоимения, многие наречия бывают только однозначны (например, *два* — всегда два, *он, я, здесь, там* и другие слова всегда однозначны).

8.

Мы видели, что значений в слове может быть несколько, т. е. слово многозначно. Многозначность слова — это как бы потенциальная возможность разных его пониманий. Слово *хлеб* обозначает известного сорта пищу человека, приготовленную определенным образом из какой-либо муки. В предложении же «Хлеба растут хорошие» *хлеба* имеет уже значение, отличное от того, о котором было сказано выше. Но и в слове *хлеба* заключен какой-то существенный признак, который лежал в основе слова *хлеб* в первом указанном номинативном значении. *Хлебы* и *хлеба* — разные слова, но нельзя сказать, что значения их ничем не связаны[1]. Слово в контекстном употреблении уже однозначно. Если сказать просто *голова*, то в первую очередь возникает в сознании первичное значение этого слова, как обозначение главной части человеческого тела. Но если мы возьмем такой контекст: «Купи голову сахару», то здесь слово *голова* имеет другое значение, и понятие в слове тоже другое.

Возьмем слово *поле*. Значение слова общеизвестно: площадь земли, засеянная семенами или заросшая травой. Но в предложении «Вам представляется широкое поле деятельности» слово *поле* изменилось в своем значении, вместе с тем изменилось и понятие. *Широкое поле деятельности* — это *широкая возможность деятельности*, а вовсе не площадь земли, заросшая травой. Не все слова способны к такому переносу значений. Например, слова

---

[1] См приведенный пример в статье В. В. Виноградова «Основные типы лексических значений слова», стр. 12. «Капля» и «капли»; конечно, слова «капли» в словосочетании «дождевые капли» и «валериановые капли» — совершенно разные, но первичное значение сохраняется и в том и другом слове.

вор[1], *дурак, подлец*[2], *предатель* не могут иметь других значений в синхроническом плане. Слова-оценки, насыщенные эмоцией, других значений в синхроническом плане обычно не имеют, и понятие в них также полностью совпадает со значением.

Поэтому нельзя говорить, что значение слова всегда шире понятия. В некоторых словах понятие и значение совпадают. Как мы уже указывали выше, в каждом конкретном случае отношения между понятием и словом различны. Понятие в слове можно выявить при отнесении слова к предмету, явлению, а значение слова можно выявить только в системе языка.

Понятие (категория логическая) формулируется и формируется в слове (категории языка). Но на слово наслаиваются другие значения — не логические в собственном смысле. Следовательно, слово, с одной стороны, многозначно лексически, но в лексическое значение слова включаются другие значения — эмоциональные, экспрессивные. Например, *осел* — слово, в котором выражено предметно-логическое понятие об известном виде животных. Это и есть лексическое значение, которое образовано на понятии об определенном предмете. В зоологии *осел* — термин, в котором и значение слова и понятие о предмете совпадают[3]. Но если мы *ослом* назовем глупого человека, то номинативное лексическое первичное значение слова останется прежним, но так как мы *ослом* назвали уже не животное, а человека, уподобив в своем сознании человека животному, то прежнее лексическое значение окрасилось экспрессией. Это наслоение вызвало то, что в слово вкладывается другое понятие, хотя остался тот же звуковой комплекс, потому что новое понятие образовалось на основе одного из всех существенных признаков, которые были обобщены в понятии «осел». Мы взяли один признак, характеризующий осла, перенесли на человека целиком все слово, включавшее всю сумму существенных признаков действительного осла, хотя в дан-

---

[1] *Вор* — хитрец, обманщик и *вор* — тот, кто крадет, грабит.

[2] *Подлец* — от подлый, первоначально низкий по происхождению. В польском языке podly — вначале простонародный, потом подлый, нечестный.

[3] См. об этом в статье Л. Д. Бланк «К вопросу о слове, понятии и значении» («Ученые записки» Орехово-Зуевского педагогического института, т. II, вып. I, 1955, стр. 242).

ном случае мыслили только об одном признаке. Мы в этот признак вложили эмоцию брани, и слово, не теряя связи со своим основным лексическим значением, окрасилось эмоционально и, став словом-оценкой, получило преимущественную возможность употребляться в качестве сказуемого. Эмоции, их выражение в языке, соотношение эмоциональной окрашенности слова с его предметно-логическим значением еще совсем не изучены.

Особой проблемой является соотношение лексических и грамматических значений слова.

Акад. В. В. Виноградов в вопросе о том, чем считать различные формы слова — отдельными словами или только разными формами одного слова, — справедливо считает разные формы существительного: *рука, руки, руке, о руке, рукой* и пр., одним словом, так как значение в них одно и то же. Эти формы выражают только разное отношение данного слова к другим словам. За словами всегда стоят предметы, явления, качества, свойства, действия, которые не изменяются в своей сущности, если мы изменяем их положение и отношение к другим предметам; равно как и слова, если мы употребим их в разных грамматических формах, выражающих отношения данного слова к другим словам, то слово не изменит своего лексического значения. Поэтому слово является системой форм, обладающей лексическо-грамматическим единством.

На выяснении соотношения лексических и грамматических значений слова мы в настоящей брошюре специально останавливаться не будем, так как эти отношения более ясны и более изучены. Но соотношение грамматического и логического в слове совсем не изучено и требует всестороннего освещения.

В мышлении, как и в языке, существует различная степень абстрагирования. Возьмем слова одного лексического ряда: *печаль, печальный, печалится,* обозначающие психологическое состояние, о котором мы имеем в сознании определенное понятие, образовавшееся на основе существенных признаков. Понятие названо звуковым комплексом *печаль.* Связь звукового комплекса в сознании с самим явлением есть значение слова.

Значение в слове имеется тогда, когда звуковой комплекс связывается с понятием о предмете и с самим предметом. Если я не знаю иностранных слов, то слова room, Zimmer, pokoj не наполнены для меня никаким значением

и не связываются в сознании ни с каким явлением, хотя понятие о комнате у меня имеется, обозначенное русским словом «комната».

Лексическое значение слов *печаль, печальный, печалится* — общее.

Грамматическое значение слов разное: *печаль* — существительное, *печальный* — прилагательное, *печалится* — глагол.

Категориальные значения также различны: *печаль* — субстанция, *печальный* — атрибут, *печалится* — процесс. В этих словах соотносительность между логическими и грамматическими категориями налицо. Но не все слова в своем содержании имеют соотносительность, грамматически это может быть существительное, категориально слово может выражать процесс, например слово *прыжок*.

Таким образом, логические и грамматические категории, заключенные в одном слове, не всегда соотносительны. Поэтому отождествлять логическое понятие с лексическим значением слова нельзя. Нельзя отождествлять еще и потому, что в слове, кроме лексического, грамматического, имеется еще эмоциональное, экспрессивное значение. Стилистические элементы также доказывают, что значение слова и понятия не одно и то же. *Лоб, шея, плечи* в современном языке и *чело, выя, рамена* в языке более давнего времени — выражают одинаковые понятия, но слова разные.

В процессе общения слово только как способ формирования и выражения понятия, т. е. в чисто логическом аспекте выступает очень редко, оно всегда «отягощено» и другими значениями.

В большинстве слов значение и понятие совпадают, образуя единое логико-предметное значение, но такое явление наблюдается далеко не во всех словах. Например, все междометия понятий не образуют. Нет понятий как логических категорий и в некоторых местоимениях, и в словах-союзах, частицах, в то время как значением они, несомненно, обладают, как и всякая единица речи, выполняющая какую-либо смысловую функцию в речи. Что местоимение не имеет логического понятия, очевидно. Ведь в словах *мой, твой, наш, свой* и др. нет обычного лексического значения. Мы знаем, что лексическое значение в слове выражается его основой, но в словах *мой, твой, свой* основа слова указывает на отношения к лицу, а не к ка-

кому-либо конкретному предмету, существу. Каждый человек может быть *я* как говорящий, но *ты* как слушающий и *он* как не участвующий в данной речи, но как предмет речи. В местоимения включены слова с особым отвлеченным значением, с меняющейся предметной отнесенностью. Поэтому-то они и являются наиболее общими, и мы не можем в некоторых местоимениях видеть такое же выражение понятий, как в существительных, глаголах, прилагательных, наречиях и т. д.

Имена собственные не заключают в себе ни понятия, ни значения. Они являются только различающим знаком. Поэтому-то в толковых словарях не помещаются собственные имена (не объясняются и не толкуются). Что можно вскрывать в собственном имени? Только имя нарицательное, как его этимологию: *Виктор* — «победитель», *Петр* — «камень», *Евгений* — «благородный», *Пульхерия* — «прекрасная», *Акулина* — «орлиная», *София* — «мудрость» — в именах греческого и латинского происхождения; *Анита* — «свекровь», *Калнберзинь* — «горная береза» — в именах латышских; *Владимир* — «владеющий миром», *Святослав* — «святой славы», *Переяслав* — «переявший славу», *Любомир* — «любящий мир» — в древнерусских именах и т. д. В собственных именах можно изучать также образование уменьшительных имен с точки зрения грамматической, как это делал В. И. Чернышев в своей статье «Русские уменьшительно-ласкательные имена»[1]. Новые имена, появившиеся за последние десятилетия, доказывают, что собственное имя само по себе не имеет значения, и если вскрывать, что положено в основу образования имени, то можно убедиться, что ни один признак данного человека не лег в основу названия, как это имеет место в нарицательных именах. В них заключены такие понятия, которые не имеют никакого отношения к названному человеку. Например, в настоящее время встречается женское имя «Вилора», которое расшифровывается как название начальных букв выражения: «Владимир Ильич Ленин — организатор революции». Или более ясное по образованию «Красарма», т. е. «Красная Армия».

Логически отработанного понятия, заключающего в себе обобщение основных, существенных признаков, в именах

---

[1] См. журнал «Русский язык в школе», 1947, № 6, стр. 20—27.

собственных нет в современном языке. Но следует предупредить, что наше рассуждение не касается имен собственных единичных, как *Москва, Волга, Россия* и др.

9.

Итак, понятие как единица и форма мышления всегда реализируется или в слове, или в словосочетании. Но не каждое слово заключает в себе логическое понятие, как не каждое предложение выражает суждение. Слово и понятие коррелятивны, но не тождественны.

Однако слово любой структуры всегда имеет значение, т. е. выражает содержание, закрепляемое обществом за тем или иным звуковым комплексом. Термин «значение» включает в себя, как мы видели, различные стороны:

а) логико предметное или «лексическое» значение — соотнесенность с обозначаемым предметом: «письмо», «дом», «земля»;

б) логико-грамматическое значение — отношение между словами, а за ними и предметами (*пишу письмо, белый дом, земля просохла*), влекущее за собой отнесение слова к тому или иному ряду предметов, качеств, процессов и т. д. и вместе с тем к разным частям речи;

в) экспрессивное значение, служащее средством выразительности и изобразительности: *минутка, неделька, чудовищный* и т. д.;

г) эмоциональное значение, выражающее эмоциональную оценку фактов действительности в самом названии факта: *мамочка, братец, сосенка, ручонка, домишко* и др.

В значение слова включается вся совокупность его содержания, определившаяся в процессе практики и опыта жизни и закрепленная традицией общающихся людей. Каждое слово человеческой речи имеет значение. Без значения нет слова.

Все рассмотренные стороны слова и должны лечь в определение его природы. Следовательно, слово — это единица человеческой речи, состоящая из комплекса звуков, обозначающих содержание мысли о явлениях действительности в их разрозненности. Слово—единица речи, грамматически оформленная и понимаемая коллективом людей, объединенных исторической общностью.

Евдокия Михайловна Галкина-Федорук.
Слово и понятие.
Редактор *З. А. Богданова.*
Технический редактор *М. И. Миронцева.*
Корректор *З. М. Шабхи.*

* * *

Сдано в набор 23/IX 1955 г. Подписано к печати 2/I 1956 г. 84 × 108 1/32. Печ. л. 3,5 (2,87). Уч. изд. л. 2,78. Тираж 25 000 экз. А00201. Заказ № 6200.

* * *

Учпедгиз, Москва, Чистые пруды, 6.
Воронеж. Типогр. изд-ва «Коммуна».
Цена 75 коп.

BF 455.G14
3 8198 003 521 000
Slovo i ponài
main
UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO

Цена 75 коп.

0.25

BF
455
G14